

ЛЕГКИЕ ГЛАГОЛЫ-ТЕЛИСИЗАТОРЫ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА: ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ¹

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
glabgtodor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена грамматической семантике и дистрибуции легких глаголов-телисизаторов *keäš* ‘уйти’, *koltaš* ‘послать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘поставить’. В статье описывается обнаруженное дополнительное распределение глаголов *keäš* и *koltaš*, основанное прежде всего на семантических ролях, а также детальная семантика каждого из легких глаголов. Так, легкие глаголы *koltaš* и *keäš* вводят или специфицируют предельную интерпретацию лексического глагола, *šuaš* привносит значения полноты охвата действия и затронутости, а *šändäš* вводит предел удовлетворения действием.

Ключевые слова: сложные глаголы, легкие глаголы, акциональность, грамматикализация.

Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution

F. V. Golosov

National Research University Higher School of Economics, Moscow
glabgtodor@mail.ru

Abstract. This article deals with semantics and distribution of the light verbs *keäš* ‘to go’, *koltaš* ‘to send’, *šuaš* ‘to throw’ and *šändäš* ‘to put’ in Hill Mari. Light verbs are verbs that have lost their lexical meaning and thus cannot denote a situation on their own. They function as actional modifiers, governing the lexical verbs (in our case, in the form of a converb) and forming so-called complex

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

predicates, i.e. constructions that consist of two verbal forms but denote a single event. The author describes semantics of four mentioned light verbs, which all form complex predicates with punctual interpretation, but differ in terms of distribution and semantic properties of a described point. Light verbs *keäš* ‘to go’ and *koltaš* ‘to send’ form complex predicates that denote a culmination point of an event: starting point for states, endpoint for processes and point *per se* for punctual predicates. However, the distribution of these light verbs is almost complementary: *keäš* ‘to go’ combines only with patientive lexical verbs, while *koltaš* ‘to send’ combines only with the verbs except for patientive ones. Two more complicated cases are also described: derived inchoatives in *-em* and derived detransitives in *-alt*. Light verb *šuaš* ‘to throw’ combines only with a subset of transitive light verbs and has two meanings: exhaustiveness of a process or affectedness of a patient. Light verb *šändäš* ‘to put’ denotes a contextually relevant point of sufficiency of an action and combines only with verbs that have a durative interpretation. The meaning of the light verbs *šuaš* and *šändäš* are also compared with the meaning of Russian prefixes *iz-* and *na-* that behave similarly with what these light verbs do. Some typological background is discussed in the article as well. Hill Mari data present an interesting information for the theory of the motion verbs grammaticalization in general and is a non-trivial areal phenomenon: light verbs and complex predicates occur in many Turkic languages, and Hill Mari constructions seem to be loaned from them.

Keywords: complex predicates, light verbs, actionality, grammaticalization.

1. Введение

Эта статья посвящена грамматической семантике и лексическому распределению четырех легких глаголов горномарийского языка: *keäš* ‘уйти’, *koltaš* ‘послать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘поставить’. Рассматриваемые лексемы представляют типологический интерес, потому что в ходе грамматикализации они, помимо собственно лексических значений, приобрели нетривиальные грамматические функции. В сочетании с глаголами в форме деепричастия на *-ən* они могут выступать не только в своем лекси-

ческом значении (как в примере (1a)), но и в качестве аспектуальных модификаторов (как в примере (1б)):

(1a) *pi opt-alal-ân ke-š*
 собака лаять-АТТ-СВВ уйти-АОР.3СГ
 ‘Собака ушла, полаяв’.

(1б) *tädä amal-en ke-š*
 тот спать-СВВ уйти-АОР.3СГ
 ‘Он уснул’.

Конструкция, состоящая из лексических глаголов в форме деепричастия и грамматикализовавшихся финитных глаголов, в черемистике, как и в ряде других лингвистических традиций, называется **сложным глаголом** (см., например, [Саваткова 2002]). Глагол-модификатор мы будем далее называть **легким глаголом**, противопоставляя его глаголу лексическому.

Легкие глаголы горномарийского языка чрезвычайно разнообразны — наиболее наглядно это отражено в работе [Bradley 2016]. В своей статье мы ограничимся лишь четырьмя вышеперечисленными легкими глаголами, которые удобно рассматривать вместе в связи с их общей функцией — **телисизацией**, т. е. введением в структуру события модифицируемого предиката предела. На этом основании мы будем кратко называть глаголы *keäš*, *koltaš*, *šuaš* и *šändäš* **телисизаторами**. Само наличие такой функции у рассматриваемых лексем будет доказано далее.

На горномарийском языке говорят около двадцати трех тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском р-не Республики Марий Эл, на ее юго-западе, на границе с Нижегородской обл. и Чувашией. Вместе с близкородственным лугово-марийским (преобладающим в остальных тринадцати районах республики) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в с. Микряково Горномарийского р-на Республики Марий Эл и представляют, таким образом, крайнезападные (т. н. емангашские) говоры

горномарийского. В рамках данной статьи мы опираемся на материал, полученный в результате элицитации.

Цель статьи состоит в следующем. Мы намерены предложить описание грамматической семантики рассматриваемых легких глаголов-телисизаторов в горномарийском языке, полученное на основании полевых исследований, и определить их сочетаемостные ограничения.

Настоящая статья структурирована следующим образом. После вводного раздела в разделе 2 мы дадим краткий обзор литературы, посвященной проблеме интересующих нас легких глаголов. Разделы 3 и 4 будут посвящены нашей собственной интерпретации горномарийских данных: в разделе 3 будут описаны грамматические функции глаголов *keäš*, *koltaš*, *šuaš*, *šëndäš* (каждому будет отведен свой подраздел), а также их сочетаемостные особенности (кроме тех, что будут описаны отдельно в следующем разделе); раздел 4 будет посвящен проблеме дистрибуции глаголов *keäš* и *koltaš*, представляющей самостоятельный научный интерес. В разделе 5 мы представим типологический и ареальный фон, а в разделе 6 подведем итоги нашего исследования.

2. Предыдущие исследования

Конструкции со сложными глаголами в горномарийском языке одним из первых рассматривает Б. А. Серебренников, называя их **составными глаголами** [Серебренников 1960]. У глагола *кайи / кейи*² 'уходить' он выделяет значение «быстрого и внезапного изменения состояния» [Там же: 192], также он отмечает, что при этом глаголе «завершение действия сопровождалось изменением качества его носителя». Глагол *колтаи* 'пускать', по Серебренникову, используется «для выражения совершенности

---

² Мы должны сделать важную оговорку: в подавляющем большинстве случаев исследователи марийских сложных глаголов не анализировали данные марийских языков по отдельности. В случае, если фонетически луговой и горный варианты легкого глагола не совпадают, мы будем приводить обе формы — как в варианте записи, к которому относится сноска. Кроме того, мы сохраняем принятую в рассматриваемых нами трудах орфографию.

действия, процесс которого протекает быстро, динамично» [Серебренников 1960: 190]. Глагол *шуаш* ‘бросить’ не рассматривается, а глагол *шындаш / шьндäш* ‘сажать’ описывается как грамматический маркер «действия, завершившегося установлением очевидного результата, связанного с возникновением более или менее длительного состояния» [Там же: 194].

Среди современных работ стоит упомянуть в первую очередь диссертацию [Bradley 2016]. В своем анализе автор ориентируется в основном на данные традиционных грамматик, принимая попытки собрать уже имеющиеся описания и изложить их языком современной лингвистической типологии. Кроме того, он проводит корпусное исследование на материале текстов на лугомарийском языке и для каждого из легких глаголов приводит список смысловых глаголов, сочетаемость с которыми подтверждена корпусными данными. Важно отметить, что при такой методике определения сочетаемостных особенностей легких глаголов невозможно в точности установить их сочетаемостные ограничения, поскольку отсутствует отрицательный материал.

Глагол *kajaš / keäš* Дж. Брэдли называет «аспектуальным показателем начинательности и завершенности с оттенком неожиданности, сочетающимся с глаголами, обозначающими изменение состояния или местонахождения» [Bradley 2016: 153]. Глаголу *koltaš* приписываются три аспектуальные функции: он служит «показателем моментальности с намеком на неожиданность действия», «показателем начинательности с намеком на неожиданность и моментальность» и «показателем диминутива» [Ibid.: 170]. Глагол *šuaš*, по Дж. Брэдли, «обозначает одиночное результативное действие, намекает на энергичное, стремительное, внезапное, быстрое исполнение» [Ibid.: 241]. Глагол *šändaš / šändäš* «обозначает однократное выполнение [действия] с набором дополнительных оттенков временного значения: неожиданность, интенсивность проявления, очевидный результат, приводящий к длительному изменению состояния» [Ibid.: 222].

Тематике сложных глаголов посвящены также работы Е. В. Кашкина [Кашкин 2017; 2018a; 2018b; 2018c], где автор рассматривает грамматикализацию телисизаторов преимущественно с лексико-типологической точки зрения.

Существующая литература по марийским сложным глаголам дает общее представление о том, что семантическая роль рассматриваемых легких глаголов заключается во влиянии на структуру события лексического глагола. В настоящей статье мы постараемся дать ответы на следующие вопросы:

- каковы в точности грамматические функции каждого из глаголов?
- каковы сочетаемостные ограничения у легких глаголов и как эти глаголы соотносятся друг с другом?

3. Горномарийские данные

Перед тем как перейти к анализу конкретных глаголов, следует отдельно описать алгоритм проверки легких глаголов на сочетаемость с глаголами разных акциональных классов. В ходе экспедиций 2016–2017 гг. согласно методике, предложенной С. Г. Татовосовым [Tatevosov 2002], участниками была собрана база данных по акциональной семантике горномарийской глагольной лексики, включающая 135 лексем.

Методика предполагает следующие действия исследователя: собираются акциональные интерпретации форм с перфективной интерпретацией и форм с имперфективной интерпретацией, и в зависимости от набора акциональных интерпретаций и их распределения по перфективным и имперфективным формам определяется акциональный класс глагола. В качестве форм, лицензирующих имперфективную интерпретацию, принято брать формы грамматического времени, реферирующего к событиям настоящего, — в горномарийском языке это Непрошедшее время. В качестве форм, лицензирующих перфективную интерпретацию, в горномарийском можно взять формы Аориста или Перфекта, поскольку, согласно [Голосов, Козлов 2018], акциональных различий между двумя синтетическими прошедшими временами горномарийского языка обнаружено не было.

Глагол *koškaš* ‘сохнуть’ относится к классу слабых предельных глаголов <ES P, P>. Это значит, что в формах Аориста и Перфекта он может иметь интерпретацию как развивающегося процесса (*koškâš / košken* ‘(он) сох’), так и результирующего состояния (*koškâš / košken* ‘(он) высох’). Именно это сообщают обозначения ES и P, которые расположены на схеме перед за-

пятой — так принято отделять акциональные значения форм с перфективной интерпретацией от акциональных значений форм с имперфективной интерпретацией, которые, в свою очередь, располагаются после запятой. Как мы видим, в форме Непрошедшего времени глагол *koškaš* при референции к плану настоящего имеет единственно возможное значение развивающегося во времени процесса: *koška* ‘сохнет’.

Набор потенциальных акциональных интерпретаций включает в себя следующие интерпретации: S — состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс, EMP — вхождение в мультипликативный процесс. На основании совокупности акциональных интерпретаций глагола в разных его формах выделяются акциональные классы глаголов. Однако мы не будем здесь вводить их список: в случае упоминания какого бы то ни было акционального класса мы будем приводить набор самих акциональных интерпретаций.

Пользуясь базой, мы проверили сочетаемость глаголов *keäš*, *koltaš*, *šuaš* и *šändäš* с лексическими глаголами разных акциональных классов и можем с высокой степенью уверенности утверждать, что ограничений на сочетаемость, связанных конкретно с акциональным классом лексического глагола, практически не обнаружено. Единственное исключение — ограничение у легкого глагола *šändäš* на сочетаемость с пунктивами — будет отмечено в особом порядке.

3.1. Глагол *keäš* ‘уходить’

Рассматриваемые нами легкие глаголы не имеют ограничений на сочетаемость с глаголами разных акциональных классов, однако акциональная характеристика лексического глагола все же играет важную роль: она влияет на то, какое грамматическое значение приобретает *keäš*.

В сочетании с состояниями легкий глагол выполняет функцию инцептива (2), а в сочетании с процессами — функцию комплетива (3):

- (2) *tädä amal-en ke-š*
 тот спать-CVВ уйти-AOR.3SG
 ‘Он уснул / *спал’.

- (3) *pört vâc minut-âštâ / *minut oxâr-em-Ø*
 дом пять минута-IN минута пустеть-INCH-CVB
ke-š
 уйти-AOR.3SG
 ‘Дом опустел *(за) 5 минут’.

Обобщить правила употребления глагола *keš*, проиллюстрированные на примерах предложений (2)–(3), можно следующим образом: рассматриваемый легкий глагол вводит акциональную интерпретацию вхождения в состояние. Тогда совершенно закономерным окажется, что в случае процессов это вхождение в результирующее состояние (= комплетив), а в случае состояний — вхождение в состояние, выраженное лексической основой (= инцептив).

Стоит также отметить, что функцию глагола *keš*, по-видимому, необходимо рассматривать именно как введение, а не выбор интерпретации «вхождение в состояние». Как показывают примеры (4)–(7), легкий глагол сочетается не только с предельными процессами (например, *kuškaš* ‘расти’ <ES P, P>) и инцептивно-стативными глаголами (например, *obižäjältäš* ‘обижаться’ <ES S, S>), но и с непредельными процессами (например, *jêlaš* ‘гореть’ <P, P>) и простыми состояниями (например, *amalaš* ‘спать’ <S, S>), у которых такая интерпретация лексически отсутствует:

- (4a) *tädä kušk-ân*
 тот расти-PRF.3SG
 ‘Он рос / вырос’.
- (4б) *tädä kušk-ân ke-š*
 тот расти-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Он вырос / *рос’.
- (5a) *vas’a obižäj-ält-ân*
 В. обижать-DETR-PRF.3SG
 ‘Вася обиделся / обижался’.
- (5б) *vas’a obižäj-ält-Ø ke-š*
 В. обижать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Вася обиделся / *обижался’.

- (6a) *pört jâl-en*
 дом гореть-PRF.3SG
 ‘Дом горел / *сгорел’.
- (6б) *pört jâl-en ke-š*
 дом гореть-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Дом сгорел’.
- (7a) *vas’a amal-en*
 В. спать-PRF.3SG
 ‘Вася спал / *уснул’.
- (7б) *vas’a amal-en ke-š*
 В. спать-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Вася уснул’.

Таким образом, глагол *keäš* ‘уходить’ можно описывать как глагол-телисизатор, т. е. легкий глагол, функция которого — вводить предел (левый или правый) ситуации, обозначаемой лексическим глаголом. При этом никаких дополнительных оттенков значения у *keäš* обнаружено не было.

3.2. Глагол *koltaš* ‘послать’

Грамматическая функция глагола *koltaš* совпадает с грамматической функцией глагола *keäš*. Легкий глагол вводит акциональную интерпретацию «вхождение в состояние» и потому выступает в качестве маркера инцептива для состояний (8) и в качестве маркера комплетива для процессов (9):

- (8) *vas’a sâlâkklan-en kolt-âš*
 В. грустить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася загрустил / *грустил’.
- (9) *tädä vâc *minut / minut-âšt=ok*
 тот пять минута минута-IN=EMPH
vädä-m jü-n kolt-âš
 вода-ACC пить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он выпил воду *(за) пять минут’.

Так же как и *keäš*, глагол *koltaš* способен вводить интерпретацию вхождения в состояние, глаголам лексически не свойственную, поэтому он сочетается не только с предельными

процессами (например, *čüčäš* ‘запереть’ <ES P, P> (10)) и инцептивно-стативными глаголами (например, *lüdäš* ‘бояться’ (11)), но и с неопределенными процессами и состояниями, у которых такая интерпретация лексически отсутствует (12)–(13):

- (10a) *tädä amasa-m čüč-än*
 тот дверь-ACC запереть-PRF.3SG
 ‘Он запер / запирает дверь’.
- (10б) *tädä amasa-m čüč-än kolt-âš*
 тот дверь-ACC запереть-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он запер / *запирал дверь’.
- (11a) *tädä lüd-än*
 тот бояться-PRF.3SG
 ‘Он испугался / боялся’.
- (11б) *tädä lüd-än kolt-âš*
 тот бояться-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он испугался / *боялся’.
- (12a) *vas’a sâlâkkan-en*
 В. грустить-PRF.3SG
 ‘Вася грустил / *загрустил’.
- (12б) *vas’a sâlâkkan-en kolt-âš*
 В. грустить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася загрустил’.
- (13a) *vas’a lem-äm kačk-än*
 В. суп-ACC есть-PRF.3SG
 ‘Вася ел / *съел суп’.
- (13б) *vas’a lem-äm kačk-än kolt-âš*
 В. суп-ACC есть-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася съел / *ел суп’.

Таким образом, глагол *koltaš* можно также описывать как легкий глагол-телисизатор. Никаких дополнительных оттенков значения у *koltaš* обнаружено не было.

3.3. Глагол *šuaš* ‘бросать’

Легкий глагол *šuaš* сочетается только с переходными глаголами:

(14) *tädä möskä-m pušt-ân ŧu-ŧ*
 тот медведь-ACC убить-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он убил медведя’.

(15) **cilä väd jog-en ŧu-ŧ*
 весь вода литься-CVB бросить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Вся вода вылилась’.

При этом транзитивность глагола — необходимое, но не достаточное условие. У легкого глагола *ŧuaŧ* есть два семантически связанных грамматических значения, определяющих его сочетаемость:

1) Полнота охвата действием (термин употребляется, например, в [Падучева, Розина 1993] для описания значения русской приставки *из-* (*ис-*) в глаголах типа *исписать*, *изломать*, *изрезать* и т. п.), аналогичное значение также выделяется в [Кашкин 2018a; 2018c]. В таком значении глагол *ŧuaŧ* сочетается только с глаголами, у которых семантической ролью объекта является инкрементальная тема (в понимании [Dowty 1991]). Таким образом, для употребления глагола *ŧuaŧ* в этом значении необходимо, чтобы действие, обозначаемое лексическим глаголом, состояло из цепочки последовательных событий, доводящих действие до естественного предела. В таком случае легкий глагол указывает на то, что пройдены все стадии события:

(16) **tädä miskä-m mäŧk-ân ŧu-ŧ*
 тот миска-ACC мыть-CVB бросить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он помыл миску’.

(17) *tädä cilä miskä-m mäŧk-ân*
 тот весь миска-ACC мыть-CVB
ŧu-ŧ
 бросить-AOR.3SG
 ‘Он помыл все миски’.

2) Затронутость действием (*affectedness*), т. е. наличие внутреннего физического изменения объекта. В таком значении глагол *ŧuaŧ* может употребляться с глаголами, у которых объект — прототипический пациент (т. е. актанта, претерпевающий изменение внутреннего состояния), если при этом объект этого глагола не является инкрементальной темой. Показатель-

ным примером здесь служит сочетание с семьельфактивными событиями (семьельфактив в нормальном случае с аспектуальной точки зрения является квантом, не делимым на подсобытия):

- (18) *tädä vedrä-m čəm-al-Ø šu-š*
 тот ведро-ACC пинать-АТТ-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он пнул ведро (очень сильно, так, что ведро каким-то образом потеряло целостность)’.

Глагол *šuaš* вводит такую же акциональную интерпретацию, как и *keäš* и *koltaš*, — «вхождение в состояние», однако в силу своей семантики сочетается только с процессами с пассивным дополнением, выражая грамматическое значение комплетива:

- (19) *tädä ik pumaga-m vəc minutâ-št-ok*
 тот один бумага-ACC пять минута-IN=EMPH
 / (*vəc minut) *sir-en*
 пять минута писать-CVB
šu-š
 бросить-AOR.3SG
 ‘Он исписал (весь) листок *(за) 5 минут’.

При этом он может сочетаться как с предельными (например, *käškedäš* ‘рвать’ <ES P, P> (20)), так и с непредельными процессами (например, *jüäš* ‘пить’ <P, P> (21)):

- (20a) *tädä pumaga-m käšked-än*
 тот бумага-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он бумагу рвал / порвал’.
- (20б) *tädä pumaga-m käšked-Ø šu-š*
 тот бумага-ACC рвать-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он изорвал / *рвал бумагу’.
- (21a) *tädä vädä-m jü-n*
 тот вода-ACC пить-PRF.3SG
 ‘Он пил / *выпил воду’.
- (21б) [?]*tädä cilä vädä-m jü-n šu-š*
 тот весь вода-ACC пить-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он выпил всю воду’.

3.4. Глагол *šändäš* ‘ставить’

В сочетании с некоторыми лексическими глаголами легкий глагол имеет семантику сатуратива, т. е. маркирует насыщенность субъекта, его удовлетворенность совершаемым действием:

- (22) *tädä kačk-ân šänd-äš*
 тот есть-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наелся’.
- (23) *tädä jü-n šänd-äš*
 тот пить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он напился’.
- (24) *tädä vädä-m jü-n šänd-äš*
 тот вода-ACC пить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он напился воды’.

Однако не в каждом своем употреблении *šändäš* исполняет роль сатуратива, т. е. не в любом случае можно говорить о насыщении субъекта в узком смысле:

- (25) *tädä putaga-m kâšked-Ø šänd-äš*
 тот бумага-ACC рвать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он нарвал бумаги’.

Тем не менее можно предложить общий анализ семантики рассматриваемого легкого глагола, объясняющий разные оттенки его значения. В работе [Kagan 2013] предлагается описывать сатуративную интерпретацию русской приставки *на-* следующим образом: событие развилось до контекстно заданного предела удовлетворения или превысило его. Так, например, действие, обозначаемое глаголом *нарвать* в предложении *Он нарвал бумаги для игры в «Шляпу»*, совершается таким образом, что в конечном итоге агенс удовлетворяет свою потребность, имея перед собой как минимум достаточное для игры количество кусков бумаги. Также в эту систему укладываются и сатуративы типа *наестся*: человек удовлетворил свое чувство голода или даже съел больше, чем хотел.

Мы предлагаем распространить предложенный анализ³ на легкий глагол *šändäš*. В самом деле, в примерах (22)–(25) телиси-

³ Стоит оговориться, что мы на данном этапе исследования не ставим себе цели каким-либо образом охарактеризовать адекватность

затор вводит некоторый предел удовлетворения, до которого развивается событие. Такой семантики нет, например, у легкого глагола *šuaš*, сравните минимальную пару (25) и (26):

- (26) *tädä pumaga-m kâšked-Ø šu-š*
 тот бумага-ACC рвать-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он изорвал бумагу (в клочья)’.

Кроме того, *šändäš* не сочетается с пунктивами (в данном случае — глаголами, обозначающими моментальное событие), т. е., по-видимому, легкий глагол требует от модифицируемого события, чтобы оно было не мгновенным:

- (27) **tädä vas'a-lan olma-m pu-en šänd-äš*
 тот В.-DAT яблоко-ACC дать-CVB ставить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он дал Васе яблоко’.

- (28) **tädä ik gänä lü-en šänd-äš*
 тот один раз стрелять-CVB ставить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он один раз стрельнул’.

Таким образом, значение рассматриваемого легкого глагола-телисизатора можно описать следующим образом: *šändäš* маркирует достижение контекстно заданного момента удовлетворения действием, из чего, в частности, следует, что для его достижения необходимо, чтобы описываемое событие имело длительность.

Глагол *šändäš* так же, как и другие телисизаторы, вводит акциональную интерпретацию вхождения в состояние, но ввиду своих индивидуальных семантических особенностей выполняет грамматическую функцию комплетива в сочетании не только с процессами (29), но и с состояниями (30):

- (29) *tädä pörtä-m stroj-en šänd-äš*
 тот дом-ACC строить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он построил дом’.

- (30) *tädä amal-en šänd-äš*
 тот спать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он выспался’.

данной гипотезы на материале русского языка: она нужна нам главным образом для анализа глагола *šändäš*.

Так же, как и *keäš*, *koltaš* и *šuaš*, *šändäš* вводит, а не выбирает акциональную интерпретацию вхождения в состояние. Он сочетается не только с предельными процессами (например, *käškedäš* ‘рвать’ <ES P, P> (31)) и инцептивно-стативными глаголами (например, *koläštäš* ‘слушать’ <ES S, S> (32)), но и с непредельными процессами (например, *rovotajaš* ‘работать’ <P, P> (33)) и простыми состояниями (например, *kiäš* ‘лежать’ <S, S> (34)), которые лексически не имеют интерпретации вхождения в состояние:

- (31a) *tädä pumaga-m käšked-än*
 тот бумага-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он бумагу рвал / порвал’.
- (31б) *tädä pumaga-m käšked-Ø šänd-äš*
 тот бумага-ACC рвать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он нарвал бумаги / *рвал бумагу’.
- (32a) *tädä koläšt-än*
 тот слушать-PRF.3SG
 ‘Он слушал / послушал’.
- (32б) *tädä koläšt-Ø šänd-äš*
 тот слушать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наслушался / *слушал’.
- (33a) *tädä rovotaj-en*
 тот работать-PRF.3SG
 ‘Он работал / *отработал / *наработался’.
- (33б) *tädä rovotaj-en šänd-äš*
 тот работать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наработался / *работал’.
- (34a) *tädä ki-n*
 тот лежать-PRF.3SG
 ‘Он лежал / *належался’ / *лег’.
- (34б) *tädä ki-n šänd-äš*
 тот лежать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он належался / *лежал’.

4. Дистрибуция глаголов *keäš* и *koltaš*

С точки зрения грамматической семантики никакой разницы между *keäš* и *koltaš* обнаружено не было: оба легких глагола являются простыми телесизаторами и не вводят никаких обязательных оттенков значения. Однако было установлено следующее: в большинстве случаев употребления *keäš* и *koltaš* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. с каждой конкретной глагольной лексемой сочетается либо один, либо другой глагол, но почти никогда не являются допустимыми оба.

Проверив глагольные лексемы из вышеупомянутого глагольного словника на сочетаемость с каждым из телесизаторов, мы с большой долей уверенности установили правило распределения данных легких глаголов: глагол *keäš* сочетается только с моновалентными предикатами с аргументом, обладающим семантической ролью пациенса в узком понимании, т. е. участника ситуации, претерпевающего изменение внутреннего состояния, а *koltaš* — со всеми остальными глаголами:

- (35) *pört vəc minut-äštâ oxâr-em-Ø*
 дом пять минута-IN пустеть-INCH-CVB
ke-š / **kolt-äš*
 уйти-AOR.3SG послать-AOR.3SG
 ‘Дом опустел за 5 минут’.
- (36) *tädä vedrä-m čâm-al-Ø *ke-š*
 тот ведро-ACC пинать-ATT-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš*
 послать-AOR.3SG
 ‘Он пнул ведро’.

В частности, именно *koltaš*, а не *keäš*, сочетается с глаголами перемещения объекта в пространстве в качестве аспектуального маркера:

- (37) *vas'a ke-n kolt-äš*
 В. уйти-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася ушел’.

Однако глагол *keäš* может сочетаться с глаголами перемещения объекта в своей директивной функции маркирования «отдаления от дейктического центра», выделяемой в [Bradley 2016]:

- (38) *anžâ, mašinä mändär-kä kâdal-Ø*
 смотреть.IMP.SG машина далеко-ILL ехать-CVB
ke-ä
 уйти-NPST.3SG
 ‘Смотри, машина уезжает вдаль’.

При этом важно отметить, что глагол *keäš* в директивной функции отличается от аспектуального маркера *keäš* набором акциональных интерпретаций. Как можно заметить в примере (38), сложный глагол *kâdal keäš* имеет длительную интерпретацию, которая проявляется в том, что форма непрошедшего времени может отсылать к ситуации в настоящем. В аспектуальном же употреблении сложные глаголы с *keäš* такой интерпретации лишены:

- (39) *tädä amal-en ke-ä*
 тот спать-CVB уйти-NPST.3SG
 1. ‘Он уснет’.
 2. #‘Он засыпает’.
 3. #‘Он спит’.

Также закономерным выглядит то, что моновалентные экспериенциальные предикаты⁴ сочетаются именно с *koltaš*:

- (40) *tädä sâlâkkan-en kolt-âš*
 тот грустить-CVB послать-AOR.3SG
 / *ke-š
 уйти-AOR.3SG
 ‘Он загрустил’.

Чувствительность телесизаторов *keäš* и *koltaš* к набору семантических ролей актанта можно продемонстрировать на примере глагола *kâlmäš* ‘мерзнуть’. В своем экспериенциальном значении ‘испытывать дискомфорт от чрезмерно низкой темпе-

⁴ Можно заметить, что пример (5б) со сложным глаголом *obižajalt keäš* ‘обидеться’ противоречит этому правилу. Ниже приводится подробное описание случаев подобного типа: такие глаголы содержат суффикс детранзитива *-alt*, который позволяет им сочетаться и с *keäš*.

ратуры' он сочетается только с глаголом *koltaš*, а в пациентивном значении 'обледенеть, физически измениться под воздействием низкой температуры' — только с глаголом *keäš*:

(41a) *väd käl̄m-en ke-š*
 вода замерзать-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš
 послать-AOR.3SG
 'Вода замерзла'.

(41б) *män' käl̄m-en kolt-äš-äm*
 я замерзать-CVB послать-AOR-1SG
 / ??*ke-š-em*
 уйти-AOR-1SG
 'Я замерз'.

Таким образом, в целом распределение глаголов *keäš* и *koltaš* можно описывать в терминах (не)пациентивности лексических глаголов, если помнить при этом, что глаголы перемещения объекта в данном распределении попадают в группу непациентивных предикатов. Однако имеет смысл также указать на два случая усложнения модели, которые, впрочем, в большинстве своем логически связаны с основным принципом распределения.

Во-первых, в горномарийском языке есть суффикс инхотива *-em-*, который в большинстве случаев образует моновалентные глаголы с аргументом, обладающим семантической ролью пациенса: *šimemäš* 'становиться черным', *kätäkemäš* 'становиться короче' и т. д. Закономерным образом с такими глаголами сочетается глагол *keäš* и не сочетается *koltaš*:

(42) *tädä kuž-em-Ø ke-š*
 тот длинный-INCH-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš
 послать-AOR.3SG
 'Он стал длиннее'.

Интересными с точки зрения анализа оказываются те относительно редкие случаи, когда суффикс *-em-* образует глагол с единственным актантом-экспериментером. В таких случаях становится допустим *koltaš*, но, что важнее, не становится недопустим *keäš*:

- (43) *tädä susu-em-Ø* ^{OK}*ke-š*
 тот рад-INCH-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš*
 послать-AOR.3SG
 ‘Он обрадовался’.

Видимо, такое отклонение от общего распределения можно объяснить наличием некоей формальной связи между *keäš* и инхоативами на *-em-*: коль скоро большинство глаголов на *-em-* имеют пациентивную семантику, сам суффикс *-em-* ассоциируется с пациентивностью и потому допускает сочетаемость с *keäš* и у тех инхоативов, которые имеют не собственно пациентивную, а экспериенциальную семантику.

Во-вторых, существует еще одна группа глаголов, среди которых некоторые могут сочетаться с обоими телисизаторами, — это детранзитивы на *-alt-*. Поскольку в ходе детранзитивизации субъектом становится пациенс исходного глагола, такие глаголы сочетаются с *keäš*:

- (44a) *tädä tãgâr-âtm* *kãšked-en*
 тот рубашка-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он рвал рубашку’.
- (44б) *tãgâr* *kãšked-âlt-Ø* *ke-š*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Рубашка порвалась’.

Однако в тех случаях, когда субъектом детранзитива становится экспериенцер, возможно употребление и *keäš*, и *koltaš*:

- (45) *vas'a obižaj-alt-Ø* *ke-š*
 В. обижать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš*
 послать-AOR.3SG
 ‘Вася обиделся’.

Других нарушений распределения *keäš* / *koltaš* по принципу пациентивности / агентивности лексического глагола, за исключением вышеописанных, обнаружено не было. Заметим, что в обоих описанных исключениях нарушение заключается в допущении обоих телисизаторов — не было обнаружено ни одной

такой глагольной лексемы, которая бы не допускала сочетаемости с предписываемым ему нашим семантическим правилом легким глаголом, сочетаясь при этом с другим глаголом из пары.

В заключение отметим, что оба легких глагола — и *keäš*, и *koltaš* — не сочетаются с глаголами созидания:

(46a) **maša-n ergä-žžä šač-ân*
 М.-GEN сын-POSS.3SG родиться-CVB
ke-š / kolt-âš
 уйти-AOR.3SG послать-AOR.3SG
 Ожид.: ‘У Маши родился сын’.

(46б) **oleg olma-m risuj-en ke-š*
 О. яблоко-ACC рисовать-CVB уйти-AOR.3SG
/ kolt-âš
 послать-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Олег нарисовал яблоко’.

5. Типологический и ареальный фон

Грамматикализация глаголов перемещения — типологически крайне распространенное явление. В частности, в книге [Майсак 2005] рассматриваются различные сценарии грамматикализации глаголов со значением УХОДИТЬ, среди которых есть и превращение рассматриваемых глаголов в телисизаторы, см. пример из тамильского языка:

ТАМИЛЬСКИЙ [Steever 1983: 497] (цит. по [Майсак 2005: 171])
 (47) *avaN vayiru kayntu poiRRu*
 он желудок высохнуть.CVB уходить-PST.3N
 ‘Его желудок вконец высох (= «высохнув ушел»)’. {= Он был настолько голоден, что готов был съесть что угодно.}

Можно также заметить, что конструкция в примере (47) структурно схожа с горномарийским сложным глаголом: лексический глагол представлен в форме деепричастия, а телисизатор — в финитной форме.

В черемистике сложилось устойчивое представление о том, что марийские сложные глаголы возникли в результате влияния соседних тюркских языков, прежде всего, чувашского (см., например, [Серебренников 1960] и [Bradley 2016]). Главным аргументом

в пользу такого утверждения можно считать незначительную распространенность аналогичных конструкций в родственных финно-угорских языках при широкой распространенности сложных глаголов в тюркских языках.

В работе [Гращенко 2015] производится попытка обобщить поведение легких глаголов в тюркских языках, в частности, в области грамматической семантики. Так, у глаголов типа УХОДИТЬ выделяется прототипическая грамматическая функция «результатив (-контроль)», у глаголов типа БРОСАТЬ — «пунктив», у глаголов типа ПОСЫЛАТЬ — «результатив», у глаголов типа СТАВИТЬ — «пунктив» и «результатив (-контроль)». Как можно заметить, горномарийские данные в целом имеют параллели с общетюркской картиной: глаголы с теми же значениями также грамматикализовались в акциональные модификаторы, при этом глагол *keïš* ‘уйти’ также не сочетается с контролируемыми предкатами.

В качестве перспективного пути исследования мы рассматриваем сравнение грамматической семантики легких глаголов в горномарийском и чувашском языках.

6. Выводы

Легкие глаголы *keïš* ‘уходить’, *koltaš* ‘пускать, посылать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘ставить, сажать’ в горномарийском языке имеют общую функцию — введение в структуру события предела — и благодаря этому приписывают описываемому событию акциональную интерпретацию «вхождение в состояние».

У глаголов *keïš* ‘уходить’ и *koltaš* ‘пускать, посылать’ не обнаружено никаких дополнительных оттенков значения, кроме собственно введения предельной интерпретации: в этом смысле их можно называть **простыми телисизаторами**. Функционально не отличаясь друг от друга, простые телисизаторы в подавляющем большинстве случаев дополнительно распределены: *keïš* сочетается с моновалентными предикатами с аргументом с семантической ролью пациенса, а *koltaš* — со всеми остальными предикатами.

Легкий глагол *šuaš* ‘бросать’ имеет два логически связанных грамматических значения: 1) полнота охвата действием (при переходных глаголах с объектом-инкрементальной темой); 2) за-

тронутость (при переходных глаголах-пунктивах с объектом-пациентом). Легкий глагол *šändäš* 'ставить' маркирует достижение контекстно заданного предела удовлетворения немгновенным действием.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — конверб (деепричастие); DAT — датив; DETR — детранзитив; EMPH — эмфатическая частица; EP — вхождение в процесс; ES — вхождение в состояние; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INCH — инхоатив; MP — мультипликативный процесс; N — средний род; NPST — непрошедшее (настояще-будущее) время; P — процесс; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PST — прошедшее время; S — состояние; SG — единственное число.

Литература

- Голосов, Козлов 2018 — Ф. В. Голосов, А. А. Козлов. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 154–194.
- Гращенко 2015 — П. В. Гращенко. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. К типологии грамматикализации глаголов перемещения: горномарийский глагол *kejš* 'идти, уходить' // А. А. Кретов (ред.). Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Вып. 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 36–47.
- Кашкин 2018a — Е. В. Кашкин. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела // М. К. Амелина, А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков, Н. В. Макеева, О. В. Попова, О. В. Соколова (ред.). Проблемы языка. Сб. научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2018. С. 110–129.
- Кашкин 2018b — Е. В. Кашкин. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // А. М. Иванова, Э. В. Фомин (сост., отв. ред.). Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2018. С. 178–184.

- Кашкин 2018с — Е. В. Кашкин. К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (34). С. 112–129.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Падучева, Розина 1993 — Е. В. Падучева, Р. И. Розина. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 5–16.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Bradley 2016 — J. Bradley. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Universität Wien, Wien, 2016.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67. № 3. P. 547–619.
- Kagan 2013 — O. Kagan. Scalarity in the domain of verbal prefixes // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31. № 2. P. 483–516.
- Steever 1983 — S. B. Steever. A study in auxiliiation: The grammar of the indicative auxiliary verb system of Tamil. PhD Thesis. University of Chicago, Department of Linguistics, Chicago, 1983.
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. № 3. P. 317–401.

References

- Bradley 2016 — J. Bradley. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Universität Wien, Wien, 2016.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.
- GolosoV, Kozlov 2018 — F. V. GolosoV, A. A. Kozlov. Nablyudatel v sisteme proshedshikh vremen gornomariyskogo yazyka [Perspective point in past tenses’ system in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 154–194
- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. Tyurkskiye konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics and Grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.

- Kagan 2013 — O. Kagan. Scalarity in the domain of verbal prefixes. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31. No. 2. P. 483–516.
- Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. K tipologii grammatikalizatsii glagolov peremeshcheniya: gornomariyskiy glagol *keäš* ‘idti, ukhodit’ [Grammaticalization of motion verbs in typology: The case of Hill Mari *keäš* ‘to go, to leave’]. A. A. Kretov (ed.). *Problemy kompyuternoy lingvistiki i tipologii* [Issues in Computer Linguistics and Typology]. Iss. 6. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2017. P. 36–47.
- Kashkin 2018a — E. V. Kashkin. O semantike slozhnykh glagolnykh kompleksov v gornomariyskom yazyke: konstruksii so znacheniyem dostizheniya predela [On semantics of complex verb constructions in Hill Mari: Completive constructions]. M. K. Amelina, A. A. Anufriev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sb. nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Kanzler, 2018. P. 110–129.
- Kashkin 2018b — E. V. Kashkin. Grammatikalizatsiya gornomariyskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. A. M. Ivanova, E. V. Fomin (comps., eds.). *Yazykovyye kontakty narodov Povolzhya i Urala. XI Mezhdunarodnyy simpozium (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.)* [Language Contacts of the Peoples of the Volga Region and Ural. XI International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Collection of articles. Cheboksary: Chuvash University Press, 2018. P. 178–184.
- Kashkin 2018c — E. V. Kashkin. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniyem ‘brosat’: dannyye gornomariyskogo yazyka [Towards the typology of semantic shifts undergone by verbs of throwing: Evidence from Hill Mari]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2018. No. 4 (34). P. 112–129.
- Maisak 2005 — T. A. Maisak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of the Constructions with Motion and Posture Verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.
- Paducheva, Rozina 1993 — E. V. Paducheva, R. I. Rozina. Semanticheskii klass glagolov polnogo okhvata: tolkovaniye i leksiko-sintaksicheskiye svoystva [Thematic class of full coverage verbs: Meaning and lexical-syntactic properties]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1993. No. 6. P. 5–16.

- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka* [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániyel Főiskola, 2002.
- Serebrennikov 1960 — B. A. Serebrennikov. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih yazykakh permskoy i volzhskoy grupp* [Tense and Aspect in Permic and Volga]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- Steever 1983 — S. B. Steever. *A study in auxiliation: The grammar of the indicative auxiliary verb system of Tamil*. PhD Thesis. University of Chicago, Department of Linguistics, Chicago, 1983.
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality. *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. No. 3. P. 317–401.